

И. Е. Кознова

<https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Максим Горький: портрет на фоне советской эпохи (по материалам журнала «Огонек»)

Максим Горький для советской эпохи был символом революции и строительства нового мира, неприятия мещанства, воплощением мечты о человеке, который сделал себя сам, наконец, писателем-классиком.

Немалую роль в создании образа Горького сыграл популярный журнал «Огонек», с инициатором возобновления которого и его первым главным редактором М. Кольцовым писателя связывали дружеские отношения. М. Горький являлся для журнала одним из главных персонажей публикаций, фактически – культурным героем; его образ человека, писателя и общественного деятеля был представлен на страницах издания широко и многопланово. Отмечались горьковские юбилеи, печатались его произведения (очерки, рассказы, отрывки из романа «Жизнь Клима Самгина»), воспоминания о писателе, разного рода обзоры и статьи, фотографии, иллюстрации и пр. Журнал постоянно подчеркивал связь Горького с советским народом. Взяв на себя миссию хроникера жизни и творчества Горького, нередко преломляя реальность в мифы, журнал в немалой степени способствовал канонизации писателя, усилению его революционной значимости. Многие устойчивые выражения, с которыми ассоциировалось имя Горького в советской культуре – «буревестник революции», «борец пролетариата» – тиражировались «Огоньком», что способствовало их внедрению в массовое сознание. С именем Горького связывалась идея активного преобразования жизни, вмешательства в самую гущу современности. Писатель объявлялся символом русской мощи и таланта. Горький выступал как живой современник, творческая энергия которого была неподвластна времени и направлялась на строительство коммунизма. На закате советской эпохи образ Горького предстал в «Огоньке» в трагическом осознании иллюзорности «романтического оптимизма».

Ключевые слова: М. Горький, революция, пролетариат, советская культура, мещанство, прошлое.

I. E. Koznova

Maxim Gorky: a Portrait on the Background of the Soviet Era (based on the materials of the magazine «Ogoniok»)

For the Soviet era, Maxim Gorky was a symbol of revolution and building of a new world, rejection of bourgeoisie, the embodiment of the dream of a man who made himself, at last, a classic writer. A significant role in the creation of the image of Gorky made a popular magazine «Ogonyok», with the initiator of the resumption of which and its first editor-in-chief M. Koltsov writer linked creative and friendly ties. M. Gorky was for the magazine one of the main characters of the publications, in fact – a cultural hero; his image of a man, a writer and public figure was presented on the pages of the publication widely and multidimensionally. Gorky anniversaries were noted, his works (essays, stories, excerpts from the novel «Life of Klim Samgin»), memories of the writer, various reviews and articles, photographs, illustrations, etc were published. The magazine constantly stressed Gorky's connection with the Soviet people. Taking on the mission of the chronicler of the life and work of Gorky, often breaking reality in the myths, the magazine has greatly contributed to the canonization of the writer, strengthening his revolutionary significance. A stable expression, which is associated with the name of Gorky in the Soviet culture – the «stormy petrel of revolution», «fighter of the proletariat» – were replicated by the «Ogonyok», facilitating their introduction into the mass consciousness. With Gorky's estate, the idea of an active transformation of life, of intervening in the very midst of modernity, was connected. The writer was declared a symbol of Russian power and talent. Gorky acted as a living contemporary, whose creative energy was timeless and aimed at building communism. At the end of the Soviet era, Gorky's image appeared in «Ogonyok» in a tragic awareness of the illusory nature of romantic optimism.

Keywords: Maxim Gorky, revolution, proletariat, Soviet culture, bourgeoisie, the past.

Журнал «Огонек» – крупнейший массовый иллюстрированный еженедельник – играл важную роль в трансляции советских ценностей и образов в общественное сознание. М. Горького и М. Кольцова, инициатора возобновления «Огонька» и его главного редактора с первого номера в 1923 г. и до 1938 г., связывали творческие и дружеские узы [6, с. 128–144]. На протяжении всего

советского периода имя Горького практически не сходило со страниц журнала, особенно при жизни писателя. Безусловно, журнал преследовал свои цели, ориентируясь на мировую известность писателя, на его роль в общественной жизни страны, на его отзывчивый ко всевозможным начинаниям характер. Но и для Горького, вероят-

но, публикации его произведений в «Огоньке» имели значение как способ общения с массами.

Первое проявление М. Горького в «Огоньке» относится уже к 1923 г., когда в № 32, посвященном шестилетней годовщине Октябрьской революции, был опубликован его рассказ «Последний день». Вероятно, для журнала были значимы размышления Горького о революционности, о реальном и мнимом герое новой эпохи. «Огонек» стремился показать, что Революция призвана разрушить сонную обывательскую атмосферу городов, подобных Дремову, что в новой жизни нет места мещанству и пошлости. Правда, реалии нередко свидетельствовали об обратном, и журнал обличал многочисленные «гримасы нэпа», в которых будто отражались те или иные «призраки прошлого».

«Огонек» всячески пытался подчеркнуть связь Горького с родиной, не исключено, что журнал рассматривался в качестве одного из каналов влияния на писателя в интересах возвращения того в СССР. Характерно, что уже в № 39 за 1923 г. был помещен портрет именно «возвращающегося в Россию» писателя. В номере, посвященном похоронам В. Ленина, журнал сообщал: «Как известно, М. Горький возложил на могилу «Владимира Ильича венок с надписью: “Прощай, друг!”» [16]; в 1938 г. М. Кольцов писал, что смерть Ленина застала Горького за границей [11, с. 56]. Присутствовал Горький и на картине А. Лентулова «Деятели искусства СССР», репродукция которой публиковалась в № 44 за 1927 г. Наконец, подписи к фотографиям на юбилейных «горьковских» обложках журнала (№ 40 за 1927 г. и № 13 за 1928 г.) содержали местоимение «Наш».

О самом М. Горьком журнал стал говорить вначале голосом массы. Массы, как стремился показать журнал, творили революцию «во имя освобождения от векового гнета царизма», им и было дано слово в первую очередь. В конце 1925 г. пять моряков посетили Горького в Сорренто, позже появилась заметка о встрече, написанная одним из них. Краснофлотцев поразило, что писатель словно находился в самой гуще происходивших в советской России событий: «Все он читает, за всем следит. Все ему пишут». Казалось, Горький обладал всеобъемлющим тайным знанием. В разговоре с краснофлотцами возникла чрезвычайно важная для «Огонька» тема прошлого. В ответ на вопрос, что он пишет, Горький отвечал: «Подвожу итоги прошлому. Это своей обязанностью считаю... Молодежь так прет вперед и вперед, что перестает знать про-

шлое, а его нужно знать, нужно ненавидеть... А никто так не ненавидит прошлое, как я!» [22]. Однако, не принимая варварского наследия прошлого, Горький ценил его историческое и культурное наследие. Так, в ленинском траурном номере вождь мирового пролетариата в деле «поворачивания истории» сравнивался писателем с Петром Великим [16].

Несмотря на скептическое отношение Горького к празднованию его юбилеев и связанной с ними шумихи и суеты [23, с. 182], присущая «Огоньку» «юбилеемания» все же отразилась и в соответствующих «горьковских» публикациях: это были 35-летие (1927 г.) и 40-летие (1932 г.) начала литературной деятельности писателя, его 60-летие (1928 г.) и 65-летие (1933 г.). Все знаменательные даты рассматривались как общественно значимые; в материалах находил выражение революционный пафос журнала. «Совість эксплуатированого человечества», «бунтарь против верховной власти» (разумеется, царской), «буревестник революции» – таким Горький представал со страниц «Огонька» [8; 10; 18]. Особое внимание обращалось на воспитательную и учительскую миссию Горького в отношении молодежи, ведь именно она представлялась коллективным творцом будущего.

Одновременно отмечалась многогранность, сложность, противоречивость творческой личности Горького; его путь трактовался как превращение индивидуалиста-нищеедца в социалиста, романтика – в реалиста [10]. «Огонек» провозглашал Горького, наряду с Л. Толстым и А. Чеховым, классиком, возглавлявшим всю современную литературу.

Большое значение придавалось приездам Горького, которые должны были служить «сигналом для творческой мобилизации советской литературы на борьбу за социалистическое строительство, за пролетарскую культуру»; а «ударничество, соцсоревнование, беззаветная преданность делу строительства социализма» трактовались как «осуществление лучших чаяний» писателя [17].

Горького и самого привлекал миф о творении нового мира и человека. Показательна заметка о встрече писателя с активом земляческих групп – участников Гражданской войны при музее РККА, посвященная горьковскому замыслу «Истории Гражданской войны». Фактически это был проект «управления прошлым», свидетельство присущей памяти избирательности и ее конструирующем свойстве, поскольку индивидуальное начало предлагалось принести «в жертву той

массе энергии, которая в конечном счете победила... тут не было отдельных героев, все были герои, и был один герой – рабочий класс» [20].

Одним из грандиозных замыслов «Огонька» по канонизации писателя явилась постройка агитационного самолета-гиганта «Максим Горький» (АНТ-20), который был призван стать воплощением индустриальной мощи страны и достижений в области массовых методов пропаганды. Как позже отмечал М. Кольцов, «решили сделать буревестник побольше» [12]. На протяжении 1932–1935 гг. – с момента начала сбора средств на постройку самолета и до его последнего полета – «Огонек» вел хронику воплощения замысла в реальность.

В первые годы после смерти Горького внимание к нему «Огонька» сохранялось. В первую годовщину (1937 г.) акцентировались уже многие устоявшиеся суждения – великий русский писатель; боец пролетариата, осуждавший «нытика-интеллигента, мещанина»; реалист, показавший «проявления скотской дряни» и «свинцовые мерзости» и – одновременно – новое положительное начало; основоположник соцреализма как активного вмешательства в жизнь [7; 9; 11, с. 68–96]. В год пушкинского юбилея значение одного классика подкреплялось цитатами из другого. При этом Горький, с одной стороны, «бронзовел» в «Огоньке» все больше (впрочем, как и Пушкин), а с другой (что является оборотной стороной первого), – представлял все более одномерным. Осуждались те, кто пытался писателя «зачислить в нищезанцы» [9]. В отношении Горького признавался единственный, ленинский, ответ: Горький – авторитет в деле пролетарского искусства.

Горький выступал как живой современник, творческая энергия которого представлялась неподвластной времени. Адресованные им А. Барбюсу слова – «для таких людей день смерти является началом... началом расширения и усиления их революционной значимости» – признавались применимыми и к нему самому [15; 24]. Характерен утилитарный, пропагандистский подход к писателю и его творчеству. Так, апеллируя к Горькому, журнал в связи с советско-финской войной 1939–1940 гг. противопоставлял «правительственную клику» страны Суоми ее трудовому народу [5]. В период Великой Отечественной войны «Огонек» привлекал внимание к «настойчивым предупреждениям» Горького о «смертельной схватке с фашизмом»; утверждалось, что в рядах советской армии с успехом сражается «Генерал Месть» – гнев и ярость патриота Максима Горького [15]. В годы борьбы с

«низкопоклонством и космополитизмом» голос «публициста и трибуна» Горького должен был звучать для читателей «Огонька» «призывом к бдительности и постоянной боевой готовности» – против «всех представителей мирового мещанства», «...всех Сартров, Андре Жидов и иже с ними» [24].

Канонизации Горького в «Огоньке» способствовала сталинская тема. Сам факт, что начало литературной деятельности писателя было связано с Тифлисом, придавал образу Горького особый смысл, а его имя работало на становление и укрепление культа вождя. Миф о «большой дружбе», в котором было больше о Сталине, чем о Горьком, разворачивался во всех способах его выражения. Тут было и упоминание о чуть ли не мистическом пересечении пути Горького и Сталина во время публичной казни крестьян в Гори в 1892 г.; и трогательное описание приездов Сталина в гости к писателю; и утверждение о «мягком и тактичном» объяснении роли критики и самокритики; наконец, повествования о замыслах Горького относительно литературного портрета Сталина [8; 24; 25; 26; 27] (современные исследователи отмечают, с каким трудом давался этот очерк Горькому [13, с. 14; 23, с. 217–218]).

После смерти Сталина постулат о «вдумчивом и бережном руководстве партией литературой» продолжал жить, а идея активного преобразования жизни была воспринята и даже гиперболизирована оттепелью. Дом Горького описывался как «творческая лаборатория по выработке миллионов киловатт духовной энергии», позволяющей вмешиваться в самую гущу современности [2]. Появились новые сюжеты; присущий «Огоньку» жизнеутверждающий настрой в годы оттепели стал выразительнее. Добавилось лиричности: о Горьком писали больше как о человеке, нежели как об общественном деятеле (воспоминания внучки Д. М. Пешковой). Воспоминания о встречах писателя на Белорусском вокзале в разные годы были наполнены радостью, светом, восторгом; их рефреном служили слова А. Луначарского о Горьком как о «лекаре, прописывающем нам порошки оптимизма» [4; 14].

Столетний юбилей фактически завершил круг советской канонизации «нашего» Горького. Писатель представлял «символом русской мощи и таланта» («русскость» и «революционность» для «Огонька» были в данном случае синонимами), прошедшим «все девять кругов ада и поднявшимся на самую вершину культуры, вставшим в один ряд с Толстым, Достоевским, Чеховым, и рядом с Лениным – у колыбели нового мира».

«Юбилейный» Горький воплощался в желании «видеть всех людей героями труда и творчества, строителями новых, свободных форм жизни», – но, разумеется, только на советской, коммунистической платформе. Единственно значимым для Горького титулом объявлялся «хороший работник»; «работа», «рабочий» и «революция» оказывались однокоренными. И самым блестящим произведением писателя признавалась «его сказочная жизнь». Иного мнения, что только революция лишила исключительности «историю Алексея Пешкова» – человек может себя сделать таким, каким захочет – быть, разумеется, не могло. Представить закат «прекрасной горьковской эпохи», если под последней подразумевать всемирное пролетарское движение, было тогда невозможно.

Но, думается, «горьковская эпоха» все же выходила за рамки предложенного; «огоньковский» проект «Горький» виделся открытым; его герои словно призывали советских людей к диалогу: «Одни пристально рассматривают нас, другие загадочно усмеваются, третьи зовут куда-то» [19]. Не случайно в том же номере «Огонька» воспроизводилась репродукция одного из самых неоднозначных портретов Горького работы Б. Григорьева.

Но позже, на излете перестройки, повествование о Горьком, начавшееся с рассказа «Рождение человека», показало читателю «Огонька» уже «другого Буревестника» – с его «Несвоевременными мыслями», с книгой «О русском крестьянстве», пришедшего к концу жизни к трагическому осознанию иллюзорности «романтического оптимизма» [13].

Постсоветский же «Огонек» насмешливо предлагал «нового Горького». То связывая его имя исключительно с одной – символической – цветовой гаммой: «...Горький мог придумать только такие основательные, безнадежно скучные вещи, с которыми сразу же ассоциируется пыльная красно-коричневая обложка» [1]. То выдвигая его на роль сначала вершителя судеб декабристов в воображаемом трибунале, а в итоге отправленного по распоряжению Николая Первого на Капри как «имеющего недвижимость» там [3].

Впрочем, путь от восхищения и пиетета до развенчания и низвержения кумира – одна из традиций отечественной культуры, хотя и не только ее одной.

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва: РИО ЯГПУ, 2018 [21].

Библиографический список

1. Быков, Д. Большие пожары. Роман 25 писателей [Текст] / Д. Быков // Огонек. – 2001. – № 21. – С. 40–43.
2. Бялик, Б. Так работал Горький [Текст] / Б. Бялик // Огонек. – 1963. – № 13. – С. 9.
3. Веллер, М. Трибунал [Текст] / М. Веллер // Огонек. – 2001. – № 24. – С. 45–47.
4. Гидаш, А. Все хорошее – людям [Текст] / А. Гидаш // Огонек. – 1961. – № 25. – С. 22.
5. Груздев, И. Максим Горький и финский народ [Текст] / И. Груздев // Огонек. – 1940. – № 3. – С. 15–16.
6. Ефимов, Мих. Он был «слишком прыток»... Жизнь и казнь Михаила Кольцова [Текст] / Мих. Ефимов – М.: Худож. литература, 2013. – 744 с.
7. Зозуля, Е. Скольких людей изобразил Горький [Текст] / Е. Зозуля // Огонек. – 1938. – № 14. – С. 9.
8. Как в нашей литературе родился Горький [Текст] // Огонек. – 1928. – № 13. – С. 6–8.
9. Кирпотин, В. Максим Горький – великий русский писатель, боец пролетариата [Текст] / В. Кирпотин // Огонек. – 1937. – № 16–17. – С. 2–5.
10. Коган, П. С. Горький [Текст] / П. С. Коган // Огонек. – 1928. – № 13. – С. 1–2.
11. Кольцов, М. Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького [Текст] / М. Кольцов. – М.: ОГИЗ, 1938. – 96 с.
12. Кольцов, М. Как мы это делаем [Текст] / М. Кольцов // Огонек. – 1934. – № 16. – С. 5–7.
13. Костилов, В. Иллюзия счастья [Текст] / В. Костилов // Огонек. – 1990. – № 1. – С. 10–14.
14. Кружков, Ник. Горький приехал! [Текст] / Ник. Кружков // Огонек. – 1968. – № 12. – С. 8.
15. Лежнев, И. Антифашистский трибун [Текст] / И. Лежнев // Огонек. – 1943. – № 12–13. – С. 7.
16. Максим Горький о Ленине [Текст] // Огонек. – 1924. – № 6. – С. 11.
17. Миллионы трудящихся Советского Союза откликнулись на 65-летие Максима Горького [Текст] // Огонек. – 1931. – № 10. – С. 7.
18. Милькин, Аф. Певец Буревестника [Текст] / Аф. Милькин // Огонек. – 1928. – № 13. – С. 4–5.
19. Овчаренко, Ал. Наш Горький [Текст] / Ал. Овчаренко // Огонек. – 1968. – № 13. – С. 1–4.
20. Полуниин, С. Историю Гражданской войны напишем [Текст] / С. Полуниин // Огонек. – 1931. – № 28–29. – С. 22.
21. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения: по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва: РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.
22. Скобарь, У. Максим Горького. Впечатления краснофлотца [Текст] / Скобарь // Огонек. – 1926. – № 12. – С. 10.
23. Спиридонова, Л. Настоящий Горький: мифы и реальность [Текст] / Л. Спиридонова – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 440 с.
24. Сурков, А. Как живой с живыми говоря... [Текст] / А. Сурков // Огонек. – 1948. – № 13. – С. 9–10.
25. Турков, А. Гениальный художник слова [Текст] / А. Турков // Огонек. – 1953. – № 12. – С. 13–14.
26. Шумский, А. Горький на родине Сталина [Текст] / А. Шумский // Огонек. – 1940. – № 16. – С. 2.

27. Шумский, А. Три неосуществленных замысла Горького [Текст] / А. Шумский // Огонек. – 1951. – № 25. – С. 8.

Reference List

1. Bykov, D. Bol'shie pozhary. Roman 25 pisatelej = Big fires. Novel of 25 writers [Текст] / D. Bykov // Огонек. – 2001. – № 21. – С. 40–43.

2. Bjalik, B. Tak rabotal Gor'kij = So Gorky worked [Текст] / B. Bjalik // Огонек. – 1963. – № 13. – С. 9.

3. Veller, M. Tribunal = The Tribunal [Текст] / M. Veller // Огонек. – 2001. – № 24. – С. 45–47.

4. Gidash, A. Vse horoshee – ljudjam = All good for people [Текст] / A. Gidash // Огонек. – 1961. – № 25. – С. 22.

5. Gruzdev, I. Maksim Gor'kij i finskij narod = Maxim Gorky and the Finnish people [Текст] / I. Gruzdev // Огонек. – 1940. – № 3. – С. 15–16.

6. Efimov, Mih. On byl «slishkom prytko»... Zhizn' i kazn' Mihaila Kol'cova = He was «too quick»... the life and execution of Mikhail Koltsov [Текст] / Mih. Efimov – М. : Hudozh. literatura, 2013. – 744 s.

7. Zozulja, E. Skol'kih ljudj izobrazil Gor'kij = How Many people were depicted by Gorky [Текст] / E. Zozulja // Огонек. – 1938. – № 14. – С. 9.

8. Kak v nashej literature rodilsja Gor'kij = As in our literature was born Gorky [Текст] // Огонек. – 1928. – № 13. – С. 6–8.

9. Kirpotin, V. Maksim Gor'kij – velikij russkij pisatel', boec proletariata = Maxim Gorky – the great Russian writer, a fighter of the proletariat [Текст] / V. Kirpotin // Огонек. – 1937. – № 16–17. – С. 2–5.

10. Kogan, P. S. Gor'kij = Gorky [Текст] / P. S. Kogan // Огонек. – 1928. – № 13. – С. 1–2.

11. Kol'cov, M. Burevestnik. Zhizn' i smert' Maksima Gor'kogo = Petrel. Life and death of Maxim Gorky [Текст] / M. Kol'cov. – М. : OGIZ, 1938. – 96 s.

12. Kol'cov, M. Kak my jeto delaem = How we do it [Текст] / M. Kol'cov // Огонек. – 1934. – № 16. – С. 5–7.

13. Kostikov, V. Illjuzion schast'ja = Illusion of happiness [Текст] / V. Kostikov // Огонек. – 1990. – № 1. – С. 10–14.

14. Kruzhkov, Nik. Gor'kij prihal! = Gorky's here! [Текст] / Nik. Kruzhkov // Огонек. – 1968. – № 12. – С. 8.

15. Lezhnev, I. Antifashistskij tribun = Anti-Fascist tribune [Текст] / I. Lezhnev // Огонек. – 1943. – № 12–13. – С. 7.

16. Maksim Gor'kij o Lenine = Maxim Gorky on Lenin [Текст] // Огонек. – 1924. – № 6. – С. 11.

17. Milliony trudjashhihsja Sovetskogo Sojuza otkliknulis' na 65-letie Maksima Gor'kogo = Millions of workers of the Soviet Union responded to the 65th anniversary of Maxim Gorky [Текст] // Огонек. – 1931. – № 10. – С. 7.

18. Mil'kin, Af. Pevec Burevestnika = Singer of Petrel [Текст] / Af. Mil'kin // Огонек. – 1928. – № 13. – С. 4–5.

19. Ovcharenko, Al. Nash Gor'kij = Our Gorky [Текст] / Al. Ovcharenko // Огонек. – 1968. – № 13. – С. 1–4.

20. Polunin, S. Istoriju Grazhdanskoj vojny napishem = We'll write the history of the Civil war = We'll write the history of the Civil war [Текст] / S. Polunin // Огонек. – 1931. – № 28–29. – С. 22.

21. Problemy rossijskogo samosoznanija: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija : po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Jaroslavl', 5–7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.] – Jaroslavl' – Moskva : RIO JaGPU, 2018. – 403 s.

22. Skobar'. U Maksima Gor'kogo. Vpechatlenija krasnoflotca = Maxim Gorky. Impressions of the Red Army sailor [Текст] / Skobar' // Огонек. – 1926. – № 12. – С. 10.

23. Spiridonova, L. Nastojashhij Gor'kij: mify i real'nost' = Real Gorky: myths and reality [Текст] / L. Spiridonova – М. : IMLI RAN, 2013. – 440 s.

24. Surkov, A. Kak zhivoj s zhivymi govorja... = Talking as living with the living... [Текст] / A. Surkov // Огонек. – 1948. – № 13. – С. 9–10.

25. Turkov, A. Genial'nyj hudozhnik slova = Brilliant artist of the word [Текст] / A. Turkov // Огонек. – 1953. – № 12. – С. 13–14.

26. Shumskij, A. Gor'kij na rodine Stalina = Gorky at the birthplace of Stalin [Текст] / A. Shumskij // Огонек. – 1940. – № 16. – С. 2.

27. Shumskij, A. Tri neosushhestvlennyh zamysla Gor'kogo = Three unrealized plans of Gorky [Текст] / A. Shumskij // Огонек. – 1951. – № 25. – С. 8.